

На следующий день Цинь Жунши снова вернулся в академию. Лю Гуй проводил его из деревни и своими глазами посмотрел, как тот со своими вещами сел на воловью повозку второго дядюшки Чжана. Лишь когда набитая пассажирами повозка уехала далеко, он повернулся и пошёл домой.

Вернувшись в деревню, он увидел, что Цуй Ланфан и Цинь Баньбань готовят вещи для завтрашней торговли на рынке: очищают от кожуры зелёный сахарный тростник, режут его на куски и замачивают в воде, а ещё зачерпнули целый большой таз воды, чтобы мыть только что сорванную мушмулу.

Дерево мушмулы росло у одной деревенской семьи; плоды на нём завязались первым урожаем, и Лю Гуй сам пошёл к ним купить. Весенние фрукты стоили дешево: за пятнадцать вэней он принёс домой целую корзину.

Увидев, что Лю Гуй вернулся, Цинь Баньбань вытерла обе мокрые руки о передник, затем побежала к нему и спросила:

— Брат Лю, что мы сейчас будем делать? Готовить еду для завтрашнего лотка? Ты ведь говорил, что хочешь сделать что-то, м-м... желе из мушмулы?

Лю Гуй сначала погладил Цинь Баньбань по голове, а потом ответил:

— Это не срочно, время ещё раннее. Сначала я хочу сходить к горе Ланкоу...

Он ещё не договорил, как Цуй Ланфан первой поднялась и, торопливо замахав руками, крикнула:

— Нельзя! Нельзя! На Ланкоу ходить нельзя!

Муж Цуй Ланфан собирал травы именно на Ланкоу и сломал ногу, упав там. Этого места она боялась, даже слышать о нём не могла.

Лю Гуй сначала дважды усмехнулся, а потом поспешно объяснил:

— Матушка, не волнуйся, я не пойду в гору. Я буду подножия, чтобы найти человека.

Найти человека у подножия горы?

Цуй Ланфан немного подумала, и в голове у неё быстро всплыло одно имя. Она тут же сказала:

— Чэнь Саньси?

Лю Гуюй ответил:

— Именно. Весна началась, наши поля тоже пора засеивать! Но мы все не слишком умеем ухаживать за посевами. К тому же мы с Баньбань каждые три дня должны ездить в город ставить лоток, времени на это нет. Твое здоровье только-только поправилось, тяжёлую работу делать нельзя, тем более вам это не под силу. Вот я и подумал: проще нанять человека.

— Весенняя пахота - пора страды, каждая семья в деревне занята своими полями, ни у кого нет свободного времени. А я смотрю, Чэнь Саньси человек неплохой: пусть говорит мало, зато трудолюбивый и честный, думаю, подойдёт.

Об этом он уже обсудил с Цинь Жунши, но забыл сказать Цуй Ланьфан.

Цуй Ланьфан стояла на месте, опустив голову, и некоторое время думала. Пальцы её бессознательно тербли край передника. Через некоторое время она всё же кивнула и сказала:

— И правда неплохо. В прошлый раз, когда Баньбань вошла на гору Ланкоу, он ни слова лишнего не сказал и сразу повёл вас туда искать её. Сердце у этого ребёнка доброе, просто говорить не любит.

О том, что в прошлом году Цинь Баньбань ходила на Ланкоу, Цуй Ланьфан сразу рассказать не решились. Лишь через два месяца упомянули вскользь, но и этого хватило, чтобы старая мать перепугалась до смерти: она долго держала Баньбань и разговаривала с ней, непременно заставив девочку пообещать, что та больше никогда не пойдёт на Ланкоу.

Когда говорили об этом, конечно, упомянули и Чэнь Саньси, который повёл Лю Гуюя и Цинь Жунши в гору искать человека. После того случая, хотя в деревне всё ещё часто судачили, что Чэнь Саньси замкнутый и разговаривать не умеет, Цуй Ланьфан в глубине души считала этого молодого парня хорошим, даже очень хорошим человеком!

Чем больше Цуй Ланьфан думала, тем больше ей казалось, что идея неплохая, и на лице у неё тоже появилась улыбка.

— Я тоже считаю, что неплохо. Этому ребёнку Саньси нелегко, и если мы можем немного помочь, это тоже хорошо.

Лю Гуюй, естественно, кивнул в знак согласия и вышел искать человека. Баньбань была настоящей липучкой, поспешно развязала передник и тоже побежала следом. Они пошли в сторону горы Ланкоу. Чем ближе они подходили к этой большой горе, тем меньше людей встречалось на дороге; даже по краям узкой деревенской тропы рос бурьян.

Добравшись до Ланкоу, они вскоре увидели маленький деревянный домик, спрятанный среди пышной зелени.

— Младший брат Чэнь, младший брат Чэнь, ты дома?

Лю Гуюй хлопал по воротам так, что те глухо стучали, а Цинь Баньбань с любопытством оглядывалась по сторонам. Только что прошёл Новый год; у чьих ворот сейчас не наклеены парные надписи, иероглиф «счастье» и новогодние картинки? И только у Чэнь Саньси стояла голая простая створка, на которой ничего не было.

— Как интересно! Брат Лю, смотри, у него на двери нет иероглифа счастья, зато перед воротами висит связка сосновых шишек!

Справа от дворовых ворот висела связка сосновых шишек: несколько высохших шишек были нанизаны и перевязаны пеньковой верёвкой и так висели на двери. Цинь Баньбань показалось это забавным, и она даже несколько раз ткнула их пальцем.

На пятый тычок дверь наконец открылась. Чэнь Саньси, увидев Лю Гуюя и Цинь Баньбань, немного застыл, словно удивился, почему они пришли. Помедлив мгновение, он спросил:

— Что-то случилось?

Он и правда был немногословен. Лю Гуюй долго стучал в дверь, но он не отозвался ни словом; молча вышел открыть, а открыв, тоже не стал обмениваться вежливыми фразами и прямо спросил, есть ли дело.

Увидев это, Лю Гуюй тоже не стал ходить вокруг да около и прямо объяснил, зачем пришёл. В конце он ещё сказал:

— Каждый день с начала часа Сы до середины часа Ю работать в поле; вечером - один ужин у нас. За день считаем восемнадцать взней. Младший брат Чэнь, как тебе?

Даже самая дорогая подённая работа в городе стоила всего тридцать взней в день, да ещё и без еды, так что восемнадцать взней в деревне уже считались неплохими. К тому же Чэнь Саньси ещё не исполнилось пятнадцати, он не был взрослым мужчиной; даже если кто-то в деревне звал его помочь, столько денег ему никогда не давали.

Чэнь Саньси не колебался и сразу кивнул:

— Идёт!

Он ответил решительно, лишнего не спрашивал, и на лице у него не было никакой радости от

найденной работы - вообще невозможно было понять, что он чувствует.

Лю Гуюй снова сказал:

— Заранее скажу: у нас поля сажают не так, как у других семей. Когда придёт время, я тебя научу.

Чэнь Саньси и тут не проявил любопытства, только равнодушно отозвался:

— О.

Лю Гуюй ещё не встречал такого человека и чувствовал, что с ним общаться труднее, чем с Цинь Жунши, но менять решение не стал. Он всё же договорился с Чэнь Саньси о времени: условились, что тот придёт послезавтра.

Когда всё было решено, Лю Гуюй и Цинь Баньбань вернулись домой. Цуй Ланьфан уже вымыла мушмулу, очистила от кожицы, вынула косточки и сложила одну мякоть в большую керамическую миску; теперь было уже полных две миски.

Увидев, что они вошли, она поспешно спросила:

— Ну как? Он согласился?

Лю Гуюй сначала кивнул, потом рассмеялся, вошёл во двор, взял из миски одну мушмулу и сунул в рот, а другой рукой тут же скормил одну Цинь Баньбань.

— М-м, такая сладкая!

Цуй Ланьфан остановила движение рук, подняла глаза на них двоих и с улыбкой, но и беспомощностью сказала:

— Руки даже не помыли, а уже едите!

Лю Гуюй только смеялся, строя Цуй Ланьфан рожицы, и шутливо болтал:

— Не совсем чисто, не совсем грязно - съел и не заболел!

Слова словами, но Лю Гуюй всё равно потянул Баньбань зачерпнуть воды и вымыть руки, затем притащил маленькую скамеечку, сел рядом с Цуй Ланьфан и стал помогать чистить мушмулу. Плетёное сито свежей мушмулы быстро очистили. Все трое взяли по большой миске и ложками стали разминать мякоть.

Цинь Баньбань ещё спросила:

— Брат Лю, а что такое желе?

Это была диковинка, которой в древности не существовало, и Лю Гуюй на мгновение даже не знал, как объяснить. Подумав, он ответил:

— М-м, желе - это и есть желе: прохладное, гладкое, скользкое... По ощущению немного похоже на боцзайгао, только желе более упругое и гладкое. Ай, когда сделаем, тогда узнаешь!

Мякоть размяли до сока, затем через ткань для пароварки отцедили мякоть, оставив только фруктовый сок. Сделав это, Лю Гуюй принялся готовить байлянфэнь.

Байлянфэнь делали из травы лянфэньцао. Лю Гуюй ещё в прошлом году оставил немного высушенной лянфэньцао, и сейчас она как раз пригодилась. Если уж говорить, лянфэньцао была ещё и сырьём для травяного желе сяньцао; когда эта занятая пора пройдёт, он, возможно, сможет попробовать сделать шаосяньцао - тоже будет новинка.

Готовить байлянфэнь было уже довольно хлопотно: и варить надо, и процеживать, ещё добавлять воду с древесной золой, чтобы отрегулировать кислотность и щёлочность, а в конце нужно было ещё обесцветить. Однако здешних условий не хватало, и сделать совершенно белый байлянфэнь было всё-таки трудно. Но Лю Гуюй смотрел на это спокойно: лишь бы можно было использовать.

Весь сегодняшний день они занимались закусками для завтрашней торговли. Дома была свежая мушмула, и он добавил боцзайгао со вкусом мушмулы; а готовое желе получилось только к вечеру. Впрочем, желе из мушмулы вкуснее, когда остынет. Он отставил его в сторону охлаждаться и сказал Цуй Ланьфан с дочерью:

— Сначала поедим, а позже попробуем.

Пока Лю Гуюй хлопотал, Цуй Ланьфан и Цинь Баньбань тоже не сидели без дела: они уже приготовили сегодняшний ужин. Весной дикой зелени было много, вся свежая; нарвать горсть ростков дикой полыни и обжарить с копчёным мясом - лучше не придумаешь. Побегі водяного бамбука тоже были нежными: и холодной закуской их есть свежо, и обжаренными тоже, во вкусе ещё была лёгкая сладость - особый вкус весны.

Ещё взбили яйцо в овощной суп. Два блюда и один суп - на троих вполне хватало.

Поев, Лю Гуюй оставил чашки и палочки Цуй Ланьфан и Цинь Баньбань убирать, а сам продолжил готовить всё для завтрашнего лотка. Вся семья хлопотала до вечера и только тогда смогла отдохнуть. Желе из мушмулы уже полностью остыло. Лю Гуюй вынес одну миску и бамбуковой шпажкой подцеплял кусочки, деля между Цуй Ланьфан и Цинь Баньбань.

Хотя все они явно уже наелись, попробовав желе из мушмулы, всё равно почувствовали, что это удивительная вещь. Цуй Ланьфан даже не удержалась от улыбки: нынешняя сцена очень напомнила ей тот вечер, когда Лю Гуюй впервые сделал османтусовый бинфэнь. Тогда тоже после ужина вся семья села вместе пробовать бинфэнь. Кто тогда мог подумать, что всего через полгода у них будут такие хорошие дни! Гуюй и правда был счастливой звездой их семьи!

Баньбань же так много не думала. Её абрикосовые глаза сияли, она возбуждённо кивала Лю Гуюю:

— Вкусно! Прохладное, гладкое, даже вкуснее боцзайгао! Во рту полный кисло-сладкий вкус мушмулы! Брат Лю, ты слишком потрясающий!

Лю Гуюй сунул в рот кусочек желе, самодовольно приподнял подбородок и гордо сказал:

— Конечно!

Баньбань очень поддержала его и захлопала в ладоши. Цуй Ланьфан же беспомощно рассмеялась.

Лоток сладостей Лю Гуюя процветал; все, кто любил гулять по Восточному рынку, знали, что там есть лоток одного гэра по фамилии Лю, где сладости делают свежими и вкусными. Торговля у него шла хорошо, и, естественно, нашлось немало людей, которые стали учиться у него: тоже продавали сладкие шарики, фруктовую воду. Были среди них и такие, у кого руки были умелые, а цены ниже, чем у Лю Гуюя, и они оттянули на себя часть покупателей.

Но Лю Гуюй быстро выводил новинки! Другие ещё не успевали как следует освоить прежнюю еду, а он уже снова выпускал новое.

— Эй, вы сегодня пробовали желе с лотка семьи Лю? То самое желе со вкусом мушмулы!

— Пробовали, пробовали! По-моему, вкуснее боцзайгао! Очень освежает!

— А я всё-таки люблю османтусовый бинфэнь... Эх, и не знаю, когда хозяин Лю снова будет продавать бинфэнь? Неужели ждать до лета?

...

Ню Давэй сегодня опять вышел из дома пораньше. Едва он покинул переулок, как встретил нескольких соседей и, кивая, с улыбкой поздоровался.

— О, хозяин Ню, снова идёшь покупать вкусненькое для дочки?

— Ай-ё, вот уж правда балуешь дочь! Что сегодня будет есть?

Ню Давэй рассмеялся и каждому кивнул в ответ:

— Да-да! Сегодня рыночный день, хозяин Лю должен поставить лоток. Пойду куплю порцию шариков с красной фасолью, моя Бао-эр их любит!

Лю Гуюй не ставил лоток каждый день, поэтому и дочь Ню Давэя не могла есть это каждый день. Она уже два дня шумела дома: позавчера говорила, что хочет мясной соус, вчера снова захотела шарики с красной фасолью, привередливая до невозможности.

Соседи вежливо пару раз усмехнулись и тоже разошлись по своим домам. Ню Давэй тоже знал, что их вежливость притворная. На самом деле многим соседям было не по душе, как он балует дочь. Они считали, что девочки всё равно выходят замуж и потом становятся людьми чужой семьи; как ни люби, всё впустую. За спиной ещё и смеялись, что у него нет сына.

А Ню Давэю до этого не было никакого дела! Он просто любил дочь. Ну и что, что нет сына? На худой конец он потом передаст рецепт кунжутного масла Бао-эр, научит её считать на счётах и вести торговлю, а в будущем найдёт ей зятя-чжусюя, который войдёт в их дом, и когда она вырастет, тоже сможет оставить её рядом с собой!

Ню Давэй размышлял об этом, шагал и думал, а когда увидел, что уже добрался до Восточного рынка, снова стал размышлять о мясном соусе. Его Бао-эр два дня подряд твердила про мясной соус с грибами, но хозяин Лю уже сказал, что больше его продавать не будет. Боюсь, его дочери не достанется такой вкусной доли!

Ай, если маленькая девочка правда начнёт шуметь, успокоить её будет трудно. Ещё неизвестно, сможет ли одна чашка шариков с красной фасолью её утешить! В крайнем случае он потом сходит на овощной рынок, купит немного диких грибов и попробует сделать сам?

Эй, нет-нет, так не пойдёт. Ни его матушка, ни жена таким мастерством не владеют, только мясо зря испортят!

Ню Давэй вздыхал, даже брови у него нахмурились. И как раз когда он тревожился, подойдя к лотку семьи Лю, он услышал звонкий зазывной голос маленькой девочки:

— Желе из мушмулы! Новое желе из мушмулы! Последние пять пачек, кто первым пришёл, того и угощение!

<http://bllate.org/book/17177/1749288>